

Мэри Линч Барбера
при участии Трейси Расмуссен

Вербально-поведенческий подход в АВА-терапии:

**Методы обучения детей с аутизмом
и другими особенностями развития**

Предисловие Марка Сандберга

Третье издание

Екатеринбург
Рама Пабблишинг
2019

УДК 159.9

ББК 74.3

Б24

Перевод с английского *Д. Г. Сергеева*
Научный редактор *Зухра Измайлова-Камар*
Научные консультанты *В. Г. Ромек, Е. Е. Мень, Е. В. Морозова*
Mary Lynch Barbera, Tracy Rasmussen
The Verbal Behavior Approach:
How to Teach Children with Autism and Related Disorders

Барбера, М.Л.

Б24 Вербально-поведенческий подход в АВА-терапии : Методы обучения детей с аутизмом и другими особенностями развития. — 3-е изд. / Мэри Линч Барбера, Трейси Расмуссен ; пер. с англ. Д. Г. Сергеева ; предисл. к рус. изд. В. Г. Ромека ; предисл. М. Сандберга. — Екатеринбург : Рама Паблишинг, 2019. — 264 с.

ISBN 978-5-91743-082-9

Эта книга посвящена вербально-поведенческому подходу (The Verbal Behavior Approach) – широко применяемому в мире научному направлению, основанному на методах прикладного анализа поведения (Applied Behavior Analysis, АВА). Важным компонентом вербально-поведенческого подхода является применение анализа вербального поведения, который рассматривает все элементы языка с точки зрения их функции. Автор книги, эксперт в области прикладного анализа поведения Мэри Линч Барбера, предлагает родителям и специалистам систему методов обучения, которые будут способствовать развитию у ребенка мотивации к общению и помогут ему овладеть основными речевыми навыками, необходимыми в повседневной жизни и в общении с окружающими.

УДК 159.9

ББК 74.3

This translation of The Verbal Behavior Approach
is published by arrangement with Jessica Kingsley Publishers Ltd.
Все права защищены. Ни одна часть произведения
не может быть использована без разрешения правообладателей.
Для читателей старше 16 лет.

ISBN 978-5-91743-082-9

Copyright © Mary Lynch Barbera 2007
Copyright © Tracy Rasmussen 2007
Foreword Copyright © Mark L. Sundberg 2007
© Africa Studio / shutterstock.com,
фото на обложке
© ООО «Рама Паблишинг», 2013, 2019

Оглавление

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	7
<i>Благодарности</i>	11
<i>Предисловие</i>	13
<i>Введение</i>	16
Глава 1.	
Первое знакомство с прикладным анализом поведения	21
Глава 2.	
Основы прикладного анализа поведения	35
Глава 3.	
Оценка навыков ребенка	60
Глава 4.	
Подбор подкрепителей	74
Глава 5.	
Навык выражения просьбы	90
Глава 6.	
Развитие речи у неговорящих детей	103
Глава 7.	
Безошибочное обучение и использование процедуры переноса	119
Глава 8.	
Обучение рецептивным навыкам и другим невербальным оперантам	134
Глава 9.	
Обучение вербальным оперантам	151

Глава 10.	
Объединение различных частей программы	168
Глава 11.	
Как учить ребенка пользоваться туалетом и другим важным навыкам самообслуживания	186
Глава 12.	
Заключительные мысли	204
<i>Комментарии к разделам</i>	220
Приложение 1.	
Словарь используемых терминов	224
Приложение 2.	
Вербально-поведенческая оценочная форма	229
Приложение 3.	
Примеры жестового языка	236
Приложение 4.	
Дневник наблюдений	243
Приложение 5.	
Еженедельные дневники наблюдений	245
Приложение 6.	
Полезные интернет-ресурсы	249
<i>Список таблиц</i>	251
<i>Именной указатель</i>	252
<i>Предметный указатель</i>	253

Предисловие

Мэри Барбера написала исключительно понятную и полезную книгу для родителей и специалистов, которые ежедневно сталкиваются с большими трудностями, обучая речи детей с аутизмом и другими отклонениями развития. У книги солидный концептуальный и эмпирический фундамент, поскольку она основывается на изначально предложенном Б.Ф. Скиннером¹ учении о поведении. Принципы этого учения сформировали ядро двух широко известных методик вмешательства: дискретного обучения² и прикладного анализа поведения³, пионером применения которого был доктор Ивар Ловаас⁴. Поведенческие подходы оказались настолько удачными, что в 1999 году глава Министерства здравоохранения США признал прикладной анализ поведения оптимальным способом лечения детей-аутистов (Розенвассер и Аксельрод, 2001⁵).

Скиннер изучал язык всесторонне, и в 1957 году опубликовал книгу *«Вербальное поведение»*⁶. Он неоднократно говорил, что эта книга наверняка станет его важнейшей работой (например, в публикации 1978 года⁷). В *«Вербальном поведении»* Скиннер представил подробный поведенческий анализ того, что формирует речь. Эта книга важна, поскольку именно речь является наиболее значимым аспектом человеческого поведения. Речь позволяет нам общаться друг с другом, выражать свои чувства, уведомлять других о наших потребностях, устанавливать значимые отношения с людьми, реагировать на чужие реплики и лучше понимать окружающий нас мир. Речь формирует основу образования, накопления знаний и развития интеллектуальных способностей, любых видов умственной деятельности и социального

поведения. Если вкратце, речь является краеугольным камнем человеческого поведения. Нет ничего удивительного в том, что ребенок, не сумевший овладеть речью в типичной манере, в будущем неминуемо столкнется с серьезными трудностями в развитии и социальной адаптации.

Задержки и нарушения развития речи суть главные отличительные признаки аутизма. Эти задержки и нарушения в дальнейшем оказывают прямое влияние на множество важных навыков, таких как интеллектуальное и социальное поведение. Таким образом, главным аспектом любой программы вмешательства, рассчитанной на аутичных детей, является как можно более раннее развитие коммуникативных навыков ребенка. У родителей ребенка, которому только что поставили диагноз «аутизм», голова идет кругом, потому что существует огромное количество профессиональных мнений о вмешательстве в речевое поведение. Порой родителям трудно бывает определить, какой метод или подход сработает в том или ином индивидуальном случае, и драгоценное время часто бывает потеряно. Анализ поведения в целом и скиннеровский анализ вербального поведения в частности смягчили эту проблему, обеспечив специалистов и родителей солидной методологией вмешательства в речевое поведение и оценки речевых навыков ребенка, за плечами которой десятилетия эмпирических исследований. Мэри — представитель постоянно растущего числа родителей и специалистов, открывших для себя значимость и мощь анализа поведения и скиннеровского анализа вербального поведения как руководства в ежедневном общении с аутичными детьми.

Основные прикладные компоненты скиннеровского анализа вербального поведения, или «вербально-поведенческого подхода»⁸, были разработаны в 1970-е годы в Университете Западного Мичигана под руководством доктора Джека Майкла⁹. Как бы то ни было, но речь сложна, и первые версии оценок вербального поведения и программ вмешательства были разработаны не для родителей, а скорее для специалистов, предварительно обученных поведенческому анализу. В течение последних 25 лет мы пытались сделать эти материалы более простыми для освоения, но временами это оказывалось сложно для

тех из нас, кто глубоко увяз в бихевиористическом жаргоне и широко полагается на концептуальные инструменты поведенческого анализа при исследовании и обсуждении сложного человеческого поведения.

Хотя основные принципы и процедуры, описанные в книге Мэри, не новы, ей удалось донести до читателя более внятные объяснения, примеры из жизни, а также провести читателей сквозь трудности данной программы помощи детям с диагнозом «аутизм». Читая эту книгу, родители и специалисты смогут немедленно применить описанный подход, будучи уверенными в поддержке со стороны хорошо устоявшейся сферы поведенческого анализа. Уникальная точка зрения Мэри как матери ребенка-аутиста позволяет читателям услышать рассказ о препятствиях, с которыми сталкиваются родители аутистов, от первого лица и проторить свой путь в лабиринте из «чудесных исцелений» и стратегий вмешательства. Мэри — профессиональная медсестра, а ее муж — доктор медицины. Они впервые узнали об анализе поведения, когда пытались помочь Лукасу, и сочли этот подход настолько действенным, что Мэри решила посвятить свою жизнь помощи другим семьям в изучении его методов. Она получила сертификат ВСВА*, опубликовала эмпирическое исследование, посвященное вербально-поведенческому подходу, а теперь написала эту книгу, в которой излагается базис программы вмешательства в вербальное поведение.

Пошаговое описание процесса обучения детей-аутистов и детальные примеры, приведенные в этой книге, будут существенным вкладом в уже существующие материалы по прикладному анализу поведения и уходу за детьми с задержками и расстройствами речи. Книга преподносит большое количество сложного материала, но в легкой и захватывающей манере. Вне всякого сомнения, идея автора окажет большое влияние на будущее значительного числа детей-аутистов.

*Марк Л. Сандберг,
доктор медицинских наук,
Конкорд, Калифорния*

* Board Certified Behavior Analyst, *англ.* — сертифицированный аналитик поведения, консультант. — *Примеч. изд.*

Введение

Уже более десяти лет я работала медицинской сестрой, когда мой муж-терапевт впервые высказал подозрение, что наш сын Лукас,— всего лишь 21 месяца от роду, — возможно, аутист. Я растерялась и рассердилась. Любая мать в подобных обстоятельствах повела бы себя так.

Если честно, тогда я почти ничего не знала про аутизм, и мне даже не могло прийти в голову, что мой первенец не идеален.

Что же подсказало мужу, что у нашего сына аутизм?

Он стал обращать мое внимание на то, что Лукасу игрушки совсем не интересны, но зато он постоянно смотрит телевизор, а временами, кажется, полностью погружается в свой собственный внутренний мир. А я отказывалась рассматривать такую возможность. Я оспаривала ее, ссылаясь на то, что Лукас заговорил, что он научился четко произносить с десятков слов, и это вполне нормально для ребенка младше двух лет. А еще он эмоциональный и приятный малыш.

Лукас не выглядел аутичным, и мои представления об этом недуге никак не вязались с моим сыном. Он не тряс головой. Не раскачивался в забытии. Он не делал ничего, что я могла бы счесть нездоровым.

Когда мой муж впервые упомянул о возможности такой проблемы, я заявила ему, что он сошел с ума, раз завел разговор об аутизме. Я сказала, что Лукас не аутист и что я никогда, больше *никогда* не хочу слышать слово «аутизм».

Тогда я еще не знала, что не пройдет и года, как аутизм и различные методы его лечения завладеют всей моей жизнью.

Прошло совсем немного времени после нашего первого разговора про аутизм, и я вынуждена была признать, что довольно смутно

представляю аутичные проявления у малышей. Мне пришлось согласиться, что мой муж-терапевт имеет больше возможностей сравнивать поведение Лукаса с поведением его сверстников.

Итак, слова моего мужа посеяли во мне сомнения, и я начала пристально наблюдать за попытками Лукаса (в том числе и неудачными) взаимодействовать с окружающим миром. Я всякий раз вспоминала об аутизме, когда Лукас совершал какой-нибудь странный поступок.

Когда он методично перекладывал игрушки из одной корзины в другую, я думала: а может быть...

Если он заигрывался с веревочкой, свисавшей со стула, я волновалась: а может быть...

Слово «аутизм» постоянно вертелось у меня в голове, но мое горячее желание видеть Лукаса здоровым заставляло меня закрывать глаза на правду. У Лукаса *был* аутизм. И тот факт, что я прятала голову в песок и отрицала это, не способствовал его выздоровлению.

Становилось только хуже.

Лукас отставал от своих сверстников в развитии речи, и это было очевидно. Когда ему исполнилось два с половиной года, дети из его дошкольной группы, подбегая к своим родителям, спрашивали, можно ли пойти в гости к другу, и говорили они об этом оживленно, законченными предложениями. Ровесники Лукаса уже разговаривали фразами и строили отношения с другими детьми, а моей целью оставалось научить Лукаса произносить слово «мяч». Тогда я поняла, что у меня нет другого выбора, кроме как перестать отрицать проблему на букву «А» и погрузиться в жизненные реалии моего сына.

В дальнейшем я была для своего сына не только матерью, но и тренером, и адвокатом.

Важность ранней диагностики и вмешательства

Шел 1999 год, когда я перестала отрицать, что мой ребенок аутичен. Но приступить к лечению стало возможным только через несколько месяцев, когда был поставлен официальный диагноз. Отглядываясь назад, я могу точно сказать: то были драгоценные месяцы, упущенные

из-за неповоротливости системы диагностики аутизма. Сегодня мы довольно часто слышим о постановке диагноза детям, которым полтора или два года. Но с середины и до конца 1990-х очень немногие специалисты хотели и могли поставить этот диагноз ребенку, не достигшему трехлетнего возраста. Все завершённые в последнее время исследования подкрепляют убеждение, что дети, которым своевременно (в раннем возрасте) поставили диагноз, начав интенсивное вмешательство, в долгосрочной перспективе достигали лучших результатов.

Даже сейчас, когда доказано, что раннее диагностирование и вмешательство — ключ к успеху, как правило, диагноз «аутизм» ставят гораздо позже, чем в два года, потому как педиатры и родители и сегодня мало знают о ранних проявлениях аутизма (загляните на сайт www.firstsigns.org^{*}, чтобы узнать больше о типичных тревожных сигналах, которые могут указывать на аутизм). А к специалистам, достаточно квалифицированным, чтобы поставить маленькому ребенку диагноз «аутизм», в Америке выстраиваются такие очереди, что ждать приема придется, возможно, и год.

Если бы Лукасу своевременно поставили диагноз и вовремя приступили к лечению, он достиг бы значительно больших успехов за последние семь лет, а я раньше узнала бы об оптимальных способах лечения и применила их.

Но ранняя диагностика тогда была затруднительной, поскольку большая часть исследований и материалов была опубликована лишь в последние годы^{**}, и среди них очень важная работа докторов Кэтрин Лорд и Реббеки Ланда. А например, книга Нэнси Вайзман «Руководство для родителей. А может, это аутизм? Как распознать и что делать?»¹, снабдившая родителей важной информацией, была опубликована лишь в 2006 году.

Лукасу поставили диагноз в 1999 году, в возрасте трех лет и трех месяцев, а не в год и девять месяцев, что было бы правильно.

^{*} Список полезных русскоязычных интернет-ресурсов читатель найдет в приложении 6 (с. 249–250). — *Примеч. изд.*

^{**} Имеется ввиду начало XXI века. — *Примеч. науч. ред.*

С этого момента я стала целенаправленно искать наиболее подходящее для Лукаса лечение и со временем узнала о вербально-поведенческом подходе, которому теперь следую и, более того, консультирую других.

От родителя к родителю-специалисту

Теперь я знаю, что кое-какая информация о лечении была доступна и в конце 1990-х годов, но тогда я не знала, с чего начинать. Я стала фанатичкой, я сидела в первом ряду на каждой конференции, которую только могла втиснуть в свое расписание. Желая помочь сыну, я читала все книги по теме, которые только могла найти, и полагалась на знания тех родителей, которые прошли этот путь раньше меня.

Я многое узнала, я захотела помочь другим. В 2000 году я стала президентом-основателем Общества помощи аутистам округа Беркс². Родители постоянно приходили ко мне за помощью и поддержкой. Я хотела, чтобы каждый родитель знал о реальном положении дел и различных типах лечения. Для меня лучшим способом помочь Лукасу и другим детям-аутистам стало самообразование. В 2003 году я получила сертификат ВСВА и начала работать в сферах, затрагивающих аутизм, используя именно вербально-поведенческий подход. Будучи с 2003 года ведущим аналитиком поведения Пенсильванского вербально-поведенческого проекта³, я подготовила сотни людей и работала с множеством детей аутистического спектра, несколькими учениками с синдромом Дауна и другими нарушениями развития.

Ко мне приходили родители и часто задавали один и тот же вопрос: «С чего начинать?» Они говорили, что их ребенок все больше и больше отстает от сверстников, что у него бывают вспышки гнева, он не владеет речью, подвержен навязчивым идеям. Как и я семь лет назад, они не знали, с чего начать.

Я придумала для них простой способ сделать первый шаг. Я написала книгу, в которой излагаю упрощенную версию некоторых очень сложных видов вмешательства, и, как я верю, сегодня в этом нуждаются и родители, и специалисты. В этой книге вы найдете сведения, которые ежедневно получают от меня родители и специалисты; те же

советы я дала бы родной сестре или лучшей подруге, если бы ее ребенку поставили диагноз «аутизм» или обнаружили другие отклонения в развитии речи. Я помогу во всем разобраться и познакомлю вас с моей точкой зрения — не только как родитель, но и как специалист.

Эта книга достаточно просто объясняет, как применять принципы прикладного анализа поведения и вербально-поведенческого подхода, чтобы помочь детям, страдающим от множества проблем, среди которых аутизм, синдром Дауна, отклонения в развитии или просто задержки развития речи. Доктора Дрэш и Тюдор недавно завершили предварительные исследования (2006)⁴, утверждающие, что вербально-поведенческий подход может предотвратить развитие аутизма у попадающих в группу риска младенцев и детей дошкольного возраста.

«Используйте вербально-поведенческий подход» — так я стала отвечать на вопрос «С чего нам начать?», который мне задавали родители.

Моя книга ответит и вам на этот вопрос, дав простые и ясные инструкции.

Вся информация, приведенная в этой книге, представляет собой компиляцию из того, что я узнала от получивших признание на международном уровне профессоров. Среди них: доктор Джек Майкл, доктор Марк Сандберг, доктор Винсент Карбон, мисс Холли Кибби, доктор Брайан Ивата⁵, доктор Глен Лэтам⁶, доктор Ивар Ловаас, доктор Ричард Фокс⁷, доктор Бриджет Тэйлор⁸, мистер Майкл Миклос⁹, доктор Рик Кубина и многие другие. Я многому научилась у коллег и родителей других детей, когда мы рассматривали конкретные случаи и старались найти способ помочь каждому ученику. Однако больше всех остальных мне помог мой сын-аутист; он и сейчас учит меня каждый день.

Глава 1

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПРИКЛАДНЫМ АНАЛИЗОМ ПОВЕДЕНИЯ

В основании начального курса лечения Лукаса лежал прикладной анализ поведения (Эй-Би-Эй*), опирающийся на работу доктора Ивара Ловааса. В 1999 году многие родители (в том числе и я) были настолько впечатлены книгами Кэтрин Морис: «Услышать голос твой» (1993)¹ и «Поведенческое вмешательство для детей с диагнозом “аутизм”» (в соавторстве с Грином и Люсом, 1996)², что чуть ли не каждый, кто «делал Эй-Би-Эй», использовал подход доктора Ловааса.

В 1987 году Ивар Ловаас наблюдал группу из 59 детей-аутистов, изучая и оценивая способы их обучения. Он обнаружил, что 19 детей, прошедших индивидуальный курс на основе прикладного анализа поведения в объеме 40 часов в неделю, пришли к лучшим результатам. Почти половину детей из этой группы (47%) к первому классу невозможно было отличить от обычных сверстников. Это исследование было первым в своем роде, давшим родителям тех детей, которым только что поставили диагноз «аутизм», надежду на лучшее.

Последующее исследование доктора Ловааса и двух его коллег (Макичин³, Смит⁴ и Ловаас, 1993) показало, что многие из тех детей, кто добился «лучших результатов», сохранили свои способности к тринадцатилетнему возрасту и были неотличимы от своих одноклассников (им не нужны были специальные учебные программы или какая-то дополнительная помощь). Прочитав об исследованиях

* От *англ.* АВА — Applied Behavior Analysis. — *Примеч. изд.*

Ловааса, я решила, что прикладной анализ поведения может дать нам уникальный шанс помочь Лукасу. Мне было важно найти самое эффективное лечение, как если бы он страдал физическим недугом, таким как лейкемия. Я в любом случае хотела провести поведенческую терапию в надежде дать Лукасу шанс прожить нормальную жизнь, даже если вероятность излечения мала.

Исследования в области прикладного анализа поведения уже продвинулись значительно дальше того, что создал сам Ловаас. Ведь уже выросло целое поколение детей, лечившихся с помощью техник Эй-Би-Эй, были опубликованы сотни научных работ, подтверждающих их эффективность как инструмента обучения детей с аутизмом. Если говорить о строго доказанных фактах, по степени эффективности ни одно лечение не смогло даже приблизиться к Эй-Би-Эй. В 1998 году Якобсон⁵, Малик⁶ и Грин опубликовали результаты исследования, согласно которому модель Эй-Би-Эй, предложенная Ловаасом, в долгосрочной перспективе оказалась рентабельной, несмотря на то что ее краткосрочное применение обходилось очень дорого: при интенсивном использовании обучающих техник в годы формирования личности меньшее число детей нуждалось в помощи после первого класса и вплоть до совершеннолетия.

К сожалению, дети с диагнозом «аутизм» не всегда получают наилучший уход. Врачи могут диагностировать у таких детей отклонения медицинского характера, но аутизм обычно устраняют профессиональные преподаватели, у которых свои представления о пригодности и рентабельности той или иной программы, даже если она не приводит к заметным успехам. Так случилось и с Лукасом. В США дети с диагнозом «аутизм» имеют специальные права на образование. Мне заблаговременно объяснили, что Лукас не может претендовать на образовательные услуги высшего класса.

Сорок часов индивидуальной поведенческой терапии в неделю для трехлетнего ребенка обходятся очень дорого, и многие образовательные учреждения предпочли бы не тратить такие деньги, поскольку другие виды терапии (логопедия, трудовая терапия, специальные эклектичные программы дошкольной подготовки) все еще рассматриваются некоторыми как «соответствующие».

На карту было поставлено будущее моего сына, и я решила отказаться от использования слова «лучший», особенно во время разговоров со специалистами.

Я хотела дать Лукасу возможность преуспеть и записала его на программу Эй-Би-Эй. Мы организовали занятия с тремя инструкторами, а раз в месяц к нам домой приходил консультант, работавший по модели доктора Ловааса, чтобы дать указания инструкторам и мне.

Благодаря этому решению Лукас быстро делал успехи. Я тоже не стояла на месте и открыла для себя другую разновидность Эй-Би-Эй, способную еще больше помочь моему сыну. Вот почему моя книга посвящена именно этой форме прикладного анализа поведения — вербально-поведенческому подходу.

ВЕРБАЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД

Вербально-поведенческий подход построен на исследованиях, относящихся к сфере прикладного анализа поведения, но он еще и развивает способность ребенка учиться функциональной речи.

При обучении детей с аутизмом и связанными с ним расстройствами любым навыкам, — а самое главное, навыкам речевым, — вербально-поведенческий подход использует методы прикладного анализа поведения. Речь рассматривается как поведение, которое может быть сформировано, а затем закреплено, если уделять пристальное внимание не только тому, *что* говорит ребенок, но и тому, *почему* он пользуется речью.

Это относительно новый и популярный подход, сформированный из основных приемов прикладного анализа поведения в течение последних 10–15 лет. Он «новичок» в команде Эй-Би-Эй. Будучи основан на свойственных прикладному анализу поведения методиках обучения, он расширяет их скиннеровским анализом, описанным в книге «Вербальное поведение».

«*Вербальное поведение*» (1957) — весьма сложная книга, и ее не замечали в течение десятилетий, в том числе и по этой причине. Не замечали до тех пор, пока доктор Джек Майкл из Университета Западного Мичигана и его аспирант Марк Сандберг не начали применять

концепции, изложенные в «Вербальном поведении», при обучении речевым навыкам детей, страдающих различными задержками развития. Их работа привлекла всеобщее внимание к вербально-поведенческим вмешательствам.

Первые черновые варианты методов оценки вербального поведения были разработаны и опробованы сотрудниками Университета Западного Мичигана в конце 1970-х годов совместно с доктором Джо Спрадлином⁷ из Университета Канзаса. В 1980 году Марк Сандберг защитил докторскую диссертацию под названием «Развитие вербального поведения с помощью языка жестов и скиннеровский анализ вербального поведения»⁸ — почти за 20 лет до того, как вербально-поведенческий подход стал широко применяться в работе с детьми-аутистами.

Родители детей-аутистов заинтересовались вербально-поведенческим подходом лишь в 1998 году, когда доктора Сандберг и Партингтон издали свой трехтомник. Основным был том «Обучение навыкам речи детей, страдающих аутизмом и другими отклонениями в развитии»⁹, но наиболее известной стала «Оценка базовых коммуникативных навыков и обучаемости»¹⁰.

ABLLS* является одновременно и средством оценки уровня развития навыков ребенка, и программой обучения. Применение ABLLS предполагает заполнение многочисленных опросных бланков взрослыми людьми, близко знакомыми с ребенком. Первоначальная оценка занимает 3–4 часа. После оценки различных навыков ребенка вам необходимо выяснить, что делать дальше.

ABLLS — прекрасное средство для консультанта, подготовленного к работе в рамках вербально-поведенческого подхода, но у родителей, не знакомых с прикладным анализом поведения, может голова пойти кругом. Хотя очень многие родители заинтересованы в ABLLS, для большинства из них, как и для специалистов, заполнение опросных бланков, по которым оценивается состояние ребенка, может оказаться слишком трудным и утомительным делом, чтобы довести его до конца. Я сталкивалась с родителями, отказавшимися от использования

* ABLLS (Assessment of Basic Language and Learning Skills) — произносится как «Эйбэлс». — *Примеч. науч. ред.*

ABLLS и не закончившими курс лишь потому, что они не поняли, как его применять.

К началу 2000 года этот новый подход стал использоваться шире, благодаря распространению информации о его высокой эффективности.

Родители детей с диагнозом «аутизм» преодолевали тысячи миль, чтобы послушать посвященные вербальному поведению лекции таких знатоков, как доктора Карбон, Сандберг и Партингтон. Посетив семинары и посмотрев видео о детях, добившихся больших успехов благодаря вербально-поведенческому подходу, эти родители возвращались домой, взволнованные и вооруженные новыми знаниями. Они оплачивали ABLLS и начинали разбираться в нем, потому что стремились узнать, как им учить своих детей. Популярность ABLLS и вербального подхода привела к тому, что многие центры, работающие с детьми с диагнозом «аутизм», предпочли эти новые подходы методам Ловааса и дискретному обучению. Я думаю, что основной причиной стала наглядность видеопримеров прогресса в развитии детей, которая оказала мотивирующее влияние на родителей, стремящихся найти наилучший и самый быстрый способ помочь своим детям.

При использовании методики дискретного обучения инструктор сначала озвучивает требование, затем наблюдает за реакцией, от которой и зависят последствия. Например, инструктор говорит: «Дотронься до носа», и если ребенок выполняет просьбу, его угощают крендельком или чем-нибудь еще, что он любит. Вербально-поведенческий подход основан на таких же принципах требований, реакций и последствий, но трактует их иначе.

При написании своих трудов Партингтон и Сандберг постарались разделить книгу «Вербальное поведение» на отдельные части, при этом используя более распространенную терминологию и понятные приложения, но родители все равно оставались в замешательстве.

Два основных заблуждения, касающихся вербально-поведенческого подхода, состоят в том, что, мол, он способен помочь только тем детям, которые не разговаривают, или, наоборот, тем, кто уже научился говорить.

Ни то, ни другое не верно.

Вербальное поведение включает все виды невербальной коммуникации: указывания, письмо, жестикуляцию. Даже вспышки гнева считаются инструментом общения. Использование вербально-поведенческого подхода помогает всем: детям и взрослым, независимо от того, могут они говорить или нет, обладают каким-либо навыком общения или не обладают совсем.

РАЗВИТИЕ РЕЧИ И СНИЖЕНИЕ ЧАСТОТЫ ПРОЯВЛЕНИЙ ПРОБЛЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Вербально-поведенческий подход почти всегда ослабляет вспышки гнева и корректирует другое проблемное поведение. Так как его применение начинается с определения того, что нравится вашему ребенку, в дальнейшем эти предметы или действия используют как мотиваторы (их называют «подкрепителями», потому что они подкрепляют желаемое поведение), чтобы склонить ребенка к выполнению действий, необходимых для того, чтобы он начал учиться.

Как только определен набор подкрепителей, центральной темой вербально-поведенческого подхода становится обучение ребенка *навыку выражения просьбы*. Навык выражения просьбы — краеугольный камень вербально-поведенческого программирования.

Когда подкрепители найдены, инструктор может начинать учебный процесс. Поскольку вербально-поведенческий подход учитывает в первую очередь потребности ребенка, очень важно, чтобы инструктор был снабжен подкрепителями (предметами, которые нравятся ребенку) и мог в любой момент поощрить ребенка, ничего от него не требуя. Ребенок увидит в инструкторе человека, открывающего доступ к любимым предметам и занятиям, но не учителя, требующего выполнения неприятных заданий. Ключом к успеху в начале использования вербально-поведенческой программы оказывается создание ассоциативных пар по типу «стол — подкрепители», «преподаватель — подкрепители», «рабочее пространство — подкрепители», «учебные материалы — подкрепители». Цель в том, чтобы ребенок начал стремиться к встрече с инструктором и к посещению комнаты для занятий.

При использовании вербально-поведенческого подхода ребенок немедленно получит доступ к любимым вещам и вскоре научится просить, чтобы их ему дали (с помощью речи или жестов). Со временем, при систематических занятиях, ребенок начнет просить принести ему вещи, которых нет на столе или вообще в поле его зрения, с помощью речи, языка жестов, реже — с помощью картинок. Когда ребенок начинает реагировать на подкрепители и выражать просьбу в отношении вещей или действий, работа с ним очень медленно переходит в новую фазу.

Как ни странно, вербально-поведенческий подход требует сравнительно немного бумажной работы, что позволяет инструктору проводить больше времени с ребенком, занимать его и предоставлять ему больше возможностей для обучения.

ОСНОВНЫЕ ОТЛИЧИЯ ПРОГРАММ ЭЙ-БИ-ЭЙ ОТ ВЕРБАЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОГО И ЛОВААСОВСКОГО ПОДХОДА

Одним из важнейших отличий вербально-поведенческого подхода от подхода Ловааса является то, что он рассматривает экспрессивный язык как поведение, которому можно научить, в том числе детально обучить каждой функции слова в отдельности. Различным функциям слова «мяч», например, можно было бы научить, используя вербализацию или язык жестов. Ребенок научился бы просить, чтобы ему дали мяч, если ему захотелось с ним поиграть. Он также научился бы отмечать мяч на картинке, повторять слово «мяч» после того, как его произносит взрослый, прикасаться к мячу по просьбе инструктора и, наконец, отвечать на вопросы о мяче.

Программа Ловааса рассматривает экспрессивный язык более когнитивно и поначалу не обучает ему неговорящих детей напрямую. Неговорящим детям не предоставляют альтернативные средства общения, когда начинают работать с ними по программе Ловааса. Специалисты, придерживающиеся его методологии, хотят, чтобы ребенок сначала выполнил невербальные просьбы, например имитацию или сопоставление. В программах ловаасовского типа детей редко учат

языку жестов, хотя иногда при общении с детьми, проявляющими интерес к процессу обучения, но неговорящими, используют коммуникационную систему обмена картинками*. Различные функции слова традиционная методика дискретного обучения также игнорирует, по крайней мере в первые месяцы вмешательства.

Практикующие врачи, которые не используют вербально-поведенческий подход, склоняются к оценке языка всего лишь как рецептивного или экспрессивного. Вы можете получить отчет, в котором говорится, что по уровню развития рецептивного языка возраст Джонни соответствует двум годам и одному месяцу, а по уровню развития экспрессивной речи — одному году и трем месяцам. Вам также могут сказать, что Джонни способен произнести слова «мяч», «кот» и «мама», но делает это редко. Эта информация снабжает вас исходными данными, но не является особенно ценной, если требуется определить, в каких областях ребенок хорош, а каким навыкам его нужно обучить.

При использовании вербально-поведенческого подхода, если ребенок не говорит, его немедленно начинают учить альтернативной системе общения, обычно языку жестов, чтобы он мог сообщить о своих потребностях и желаниях, потому что, как уже было отмечено, развитие навыка выражения просьбы должно занимать важнейшее место в его программе.

Если ребенок не способен говорить, его обязательно нужно научить другому способу выражения просьбы, чтобы программу можно было продолжать.

При использовании дискретного обучения детей награждают за следование инструкции, за ответы на вопросы, за подражание и выполнение заданий на сопоставление, за использование множества рецептивных языковых навыков, в то время как при вербально-поведенческом подходе ребенок больше работает над экспрессивными речевыми навыками, такими как просьбы, обозначение

* Picture Exchange Communication System (PECS) — система общения, основанная на обмене картинками с изображениями различных предметов и рассчитанная в первую очередь на детей-аутистов. — *Примеч. науч. ред.*

предметов, заполнение пропусков в песнях, а в основном просто учиться общаться.

Обе методики работают, но мой опыт показывает, что дети и специалисты более восприимчивы к вербально-поведенческому подходу. Несомненно, существуют отличные вербально-поведенческие программы и отличные программы дискретного обучения, так же как и отличные специалисты. Но существуют и серьезные ошибки как в вербально-поведенческом подходе, так и в применении дискретного обучения, и совершаются они взрослыми людьми. У этой книги нет цели внести раскол в сообщество, связанное с аутизмом или прикладным анализом поведения. Я надеюсь, что она в общих чертах обрисует вербально-поведенческий подход, так чтобы родители и специалисты получили основную информацию о нем и смогли немедленно начать его использовать.

Я считаю, что мы очень многим обязаны доктору Ивару Ловаасу и его новаторской работе: лечению детей, которым поставлен диагноз «аутизм», с помощью прикладного анализа поведения. Ловаас дал нам надежду на то, что аутичных детей можно обучать, и разработал базовый формат соответствующей методики. Исследования, проведенные за последние несколько десятилетий в таких областях, как мотивация, навык выражения просьб, вербальные операнты, обучение без ошибок и подкрепление, являются дальнейшим развитием работы доктора Ловааса.

Некоторые критики вербально-поведенческого подхода указывают на то, что с момента публикации исследования Ловааса в 1987 году обширных контролируемых исследований детей не проводилось, и поэтому нам следует строго придерживаться подхода Ловааса к обучению детей-аутистов, а специалистам следовало бы убеждать родителей держаться подальше от вербально-поведенческого подхода. Но это не пойдет на пользу детям, которые не могут ждать 5, 10 или 20 лет, пока наблюдения за большими группами будут завершены. Вербально-поведенческий подход основан на общедоступных научных исследованиях и включает десятки как отдельных исследований, так и их циклов, подтверждающих его эффективность при лечении расстройств аутистического спектра. На мой взгляд, нет смысла откладывать

вербально-поведенческий подход в долгий ящик, поскольку родители и специалисты должны использовать наиболее современные из доступных исследований, чтобы помочь своим детям.

ПОСЛЕДСТВИЯ ОТКАЗА ОТ ВЕРБАЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ПОДХОДА

Поначалу, когда я проводила консультации на дому или в школах, где не использовали вербально-поведенческий подход, я видела одни и те же ошибки. Если быть честной, программы, о которых я говорю, зачастую не курируют высококвалифицированные специалисты; скорее это делают люди, преисполненные благих намерений и старающиеся помочь этим детям, но они совершают непростительные ошибки. Основы дискретного обучения предполагают, что ребенка нужно усадить за стол и заставить выполнить работу, но некоторые специалисты и родители так расстраиваются из-за плача или истерик, что награждают ребенка за то, что он хотя еще и хнычет, но уже начинает собирать головоломку. В этом случае награда в действительности может сформировать нежелательное плаксивое поведение.

Я часто видела, что работа слишком сложна для ребенка, задания требуют слишком много времени, а подкрепление недостаточно. Я видела неговорящих детей, которых обучали не экспрессивным, а рецептивным, сопоставительным навыкам и имитации, в результате чего они так и не начинали говорить.

А еще я видела не основанные на поведенческих подходах программы, которые оказались и более пагубными. Ребенок может выглядеть покладистым, но шансы сделать из него радивого ученика или добиться значительных улучшений в овладении им навыками речи невелики, если нет понимания, как научить его общаться и какие навыки нужно усиленно развивать.

В рамках этих эклектичных «неповеденческих» программ от детей ожидают, что им удастся овладеть сложными навыками, такими как использование предлогов и времен глаголов*, умение выразить свою

* Что касается русского языка, речь пойдет об использовании склонений и спряжений. — *Примеч. науч. ред.*

Приложение 1.

СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ТЕРМИНОВ

Алгоритмический анализ задания (Task analysis) — разбор навыка на множество шагов, используется для выявления проблемных мест и обучения им впоследствии.

Базисная линия (Baseline) — период наблюдений, в ходе которого происходит сбор базовых данных, предшествующий какому-либо новому вмешательству.

Вербальное поведение (Verbal Behavior) — любая форма общения, затрагивающая слушателя, включая речь, пение, обмен картинками, указывание пальцем, письмо, печатание на клавиатуре, жестикуляцию и т. д. Также включает плач и проявления другого проблемного поведения ради привлечения внимания, получения каких-то предметов или во избежание нежелательных действий.

Депривация (Deprivation) — ситуация, при которой отсутствие подкрепителей в течение определенного времени приведет к закреплению поведения, которое вело к получению этих предметов в прошлом. Мы можем выгодно использовать естественное состояние депривации, проводя «серии просьб» перед обедом, когда ребенок, вероятнее всего, испытывает сильный голод.

Дискретное обучение (Discrete Trial Teaching, DTT) — сопряжение трех условий (антецедента, действия и последствия), используемое для обучения детей с особенностями развития. Каждая задача используется для обучения какому-то новому навыку.

Имитационные навыки (Imitation skills) — копирование моторики другого человека.

Интравербальный навык (Intraverbal) — заполнение пропусков или ответы на вопросы, начинающиеся со слов «кто», «что», «когда», «где», «почему» и «как». Реагирование на чье-либо вербальное поведение без визуальных или иных стимулов.

Исправление ошибки (Error correction) — этот прием используется для исправления ошибок, которые не удалось предотвратить. Вопрос или указание повторяют, дают подсказку, затем делают повторную попытку, чтобы сократить или устранить подсказку.

Коммуникационная система обмена картинками (PECS) — разработанная доктором Энди Бонди и мисс Лори Фрост система, с помощью которой детей учат обмениваться картинками с изображениями разных предметов для выражения своих желаний и потребностей.

Контрольная проба (Probe (cold)) — данные, собранные прежде, чем ребенка учат чему-либо в какой-то конкретный день. Цель пробы — проверить, может ли ребенок реагировать на просьбы после того, как его в течение нескольких часов ничему не учат. Пробы обычно делают по утрам (первым делом) или в начале первого учебного сеанса.

Метод безошибочного обучения (Errorless teaching) — техника, используемая в рамках вербально-поведенческих программ для предотвращения ошибок или снижения их количества. Ребенку дают подсказку сразу после того, как озвучивают указание или задают вопрос, затем подсказка уменьшается.

Метод интенсивного обучения (Intensive Trial Teaching, ИТТ) — интенсивное вербально-поведенческое обучение, проводимое обычно за столом, при использовании метода безошибочного обучения, уменьшения требований, процедур смешивания и изменения, подсказок и устоявшегося режима подкрепления с переменным коэффициентом.

Метод обратной последовательности (Backward chaining) — система преподавания, используемая для обучения определенному навыку, например решению головоломок и пению песен. Когда вы используете эту методику для того, чтобы научить ребенка какой-то песне, сначала вы пропускаете одно слово, чтобы ребенок заполнил пропуск, например: «Мерцай, мерцай, маленькая... (звездочка)». Когда у ребенка начнет получаться, вы можете пропустить два слова, чтобы он спел «... маленькая звездочка» и т. д.

Навык выражения просьбы (Mand) — просьба о какой-то вещи, занятиях, запрос какой-либо информации или просьба обратить на что-то внимание.

Навык обозначения (Tact) — обозначение сенсорных невербальных стимулов, например объектов, картинок, признаков предмета, местоположения, запахов, вкусов, шумов или чувств.

Навык сопоставления с образцом (Matching to sample) — способность сопоставлять похожие или одинаковые предметы или картинки.

Обучение в естественной обстановке (Natural environment teaching) — текущие интересы или мотивация ребенка контролируют учебный процесс. Цели учителя принимают форму игр или других веселых занятий.

Оперант (Operant) — действие, определяемое antecedентом и последствием. Например, antecedент требования — мотивация, а последствие требования — получение желаемого предмета.

Переменный коэффициент подкрепления (VR) — среднее количество правильных ответов между использованием подкрепления.

Побуждающие условия (Motivational Operation) — условия, мотивирующие ребенка получить предмет или информацию или осуществить действие, привлечь чье-то внимание. Связаны с принципами сатиации и депривации.

Подкрепление (Reinforcement) — последствие, сопровождающее действие и увеличивающее вероятность того, что это действие будет чаще проявляться в будущем. Может быть позитивным или негативным.

Подсказка (Prompt) — совет или намек, помогающий ученику дать правильный ответ. Подсказка должна быть частью условий antecedента, ее следует давать прежде, чем у ученика будет шанс ответить. Когда бы вы ни давали подсказку, следует думать, как ее уменьшить, чтобы ученик смог проявить больше самостоятельности.

Предметное оперирование (Visual performance) — навыки, включающие сопоставление, сортировку, решение головоломок и складывание кубиков.

Прикладной анализ поведения, Эй-Би-Эй (Applied Behavior Analysis, АВА) — наука об осмыслении и улучшении социально значимого поведения.

Процесс создания ассоциативных пар (ассоциирование) (Pairing) — процесс использования сильных подкрепителей с целью сделать людей, предметы и окружение «подкрепляющими». Мы хотим, чтобы ребенок стремился к рабочему месту и людям прежде, чем мы сможем предъявлять к нему какие-то требования.

Рецептивные навыки (Receptive skills) — способность понимать язык и следовать указаниям.

Сатиация (Satiation) — антоним депривации. Ситуация, в которой подкрепитель утратил свою ценность потому, что ребенок им пресытился.

Съедобные подкрепители (Edible reinforcers) — еда, которая может быть использована в ходе прикладного анализа поведения или вербально-поведенческого программирования. Преподаватель, угощая ребенка, должен обязательно хвалить его или использовать другие естественные подкрепители, в противном случае съедобные подкрепители могут постепенно стать неэффективными.

Трехчастная поведенческая парадигма (ABC of ABA) — в прикладном анализе поведения принято считать, что поведение состоит из трех частей: antecedента, действия и последствия.

Антецедент (Antecedent) — то, что непосредственно предшествует действию. Это может быть указание, например: «Встань в очередь», или звонок будильника.

Действие (Behavior (s)) — наблюдаемое движение живого организма.

Последствие (Consequence) — то, что случается сразу после проявления поведения, оно либо повышает, либо понижает вероятность повторного проявления такого поведения в будущем.

Примеры:

Антецедент: «Дотронься до носа». *Действие:* ребенок дотронулся до носа. *Последствие:* ребенка угостили печеньем.

Антецедент: «Реши головоломку». *Действие:* ребенок кричит «НЕТ!». *Последствие:* задание отменяется.

Условный подкрепитель (Conditioned reinforcer) — подкрепитель, ранее не являвшийся таковым. Жетоны и деньги — хорошие примеры условных подкрепителей, поскольку на них можно что-то купить.

Эйбэлс (ABLLS: Assessment of Basic Language and Learning Skills) — оценка базовых языковых навыков и обучаемости, разработанная докторами Джеймсом Партингтоном и Марком Сандбергом. Часто используется в рамках вербально-поведенческих программ или прикладного анализа поведения в качестве средства оценки, курса обучения, системы отслеживания навыков.

Эхоический навык (Echoic) — повторение чьих-то слов. Может быть незамедлительным или задержанным. Б.Ф. Скиннер идентифицировал звукоподражание как вербальный оперант.

BCBA (Board Certified Behavior Analyst), BCaBA (Board Certified Associate Behavior Analyst) — сертифицированный аналитик поведения. Сертифицированный аналитик поведения должен обладать как минимум магистерской степенью, в то время как младшему сертифицированному аналитику поведения (BCaBA), достаточно степени бакалавра. Помимо того что сертифицированные аналитики поведения (в том числе и младшие) должны соответствовать этим образовательным стандартам, они также должны пройти курс обучения прикладному анализу поведения, их деятельность должна контролироваться действующим обладателем сертификата, кандидаты должны сдать письменный экзамен. Информацию по поводу того, как стать сертифицированным аналитиком поведения или как связаться с ними, можно найти на сайте www.BACB.com.

FAPE — программа народного образования. В соответствии с федеральным законом США, дети-инвалиды в возрасте с трех лет до двадцати одного года имеют право на бесплатное образование в рамках этой программы.

Приложение 2.

ВЕРБАЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ОЦЕНОЧНАЯ ФОРМА

Дата заполнения ___ / ___ / ___ Имя заполняющего _____
Имя ребенка _____ Возраст ребенка _____
Дата рождения _____
Имя родителя/опекуна _____
Имена и возраст братьев/сестер _____
Номер телефона _____
Дополнительный номер телефона _____
Адрес _____

E-mail _____

Информация медицинского характера

Диагноз (если известен) _____
Возраст на момент постановки диагноза _____
Ходит ли ваш ребенок в школу и предоставляются ли ему терапевтические или специальные услуги? Да Нет
Если да, пожалуйста, укажите название учебного заведения или имя поставителя услуг, частоту и место предоставления услуг _____

Принимаемые в настоящее время лекарства _____

Непереносимости _____

Приложение 3.

ПРИМЕРЫ ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА *

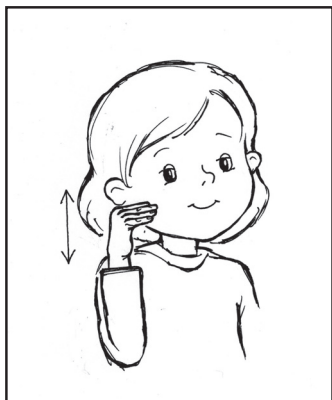
ЕСТЬ, КУШАТЬ. Кончики пальцев сводятся вместе в щепотку и несколько раз быстро подносятся ко рту, общепринятый жест.

ПИТЬ. Рука закругляется, словно держит невидимый стакан, подносится ко рту, имитируя питье, общепринятый жест.

ЯБЛОКО. Выпрямить и слегка расставить пальцы на руке, сохраняя конфигурацию руки, несколько раз провести ею вдоль щеки.

ПЕЧЕНЬЕ. Четыре пальца сгибаются под прямым углом к ладони, кончики пальцев приставляются к щеке. Не отрывая пальцы от щеки, рука несколько раз поднимается вверх и вниз.

МАКАРОНЫ. Выставить указательные пальцы, остальные собрать в кулак, разводить руки в разные стороны, одновременно вращая их по спирали.